

Лысенко Ю.А.^а, Рыгалова М.В.^а, Егоренкова Е.Н.^б

^а Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656023

^б Казахстанско-Американский Свободный Университет (КАСУ)
ул. М. Горького, 76, Усть-Каменогорск, 070018, Казахстан

E-mail: iulia_199674@mail.ru (Лысенко Ю.А.); mariya_rygalova@mail.ru (Рыгалова М.В.);
kuzja-74@mail.ru (Егоренкова Е.Н.)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА РОССИИ В ОБЩЕИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

На основе широкого круга исторических источников определяется роль русского языка в политике инкорпорирования Степного генерал-губернаторства в социокультурное пространство Российской империи. Представлен анализ механизмов реализации политики русификации, связанных с внедрением русского языка в делопроизводство органов местного самоуправления и развитием школьного образования. Реконструирован комплекс проблем, оказавший влияние на процесс русификации данного этнорегиона и его конечный результат.

Ключевые слова: *Российская империя, Степной край, русификация, русский язык, местное самоуправление, школа.*

Введение

В современной империологии Российская империя рассматривается как сложно организованное управленческо-правовое и этноконфессиональное пространство, демонстрировавшее на протяжении столетий устойчивость и успешную рефлексии на многочисленные внешние и внутренние вызовы [Миронов, 2009; Ремнев, 2004, с. 9]. Во многом это стало возможным благодаря политике русификации, обеспечившей социокультурную, духовно-смысловую и языковую гомогенность имперского пространства [Хоскинг Дж., 2001, с. 154]. На практические шаги российской управленческой элиты, связанные с ее реализацией в Степном крае, существенное влияние оказали особенности системы жизнеобеспечения казахов, детерминированные кочевым способом производства.

Дискуссия

В современной историографии русификация оценивается как позитивный опыт национальной политики России, как совокупность государственных мер в отношении жителей какого-либо региона с целью обрусения в языковом и культурно-религиозном плане [Thaden, 1981; Каппелер, 1997; Путилин, 2018; Тихонов, 2008]. К числу таких мероприятий исследователи относят: внедрение русского языка в систему делопроизводства и школьного образования; миссионерскую деятельность Русской православной церкви, создание учреждений науки и культуры, казачью и крестьянскую колонизацию восточных окраин России [Ремнев, 2004; Лысенко, 2010; Любичанковский, 2018а; Дзалаева, 2019].

В региональном срезе особенности реализации и итоги этноконфессиональной политики Российской империи детально исследованы применительно к Оренбургскому краю [Любичанковский, 2018b; Васильев, 2018], Кавказу [Кобахидзе, 2016], Западным окраинам Российской империи [Бахтурина, 2006; Руднев, 2007; Пулькин, 2016; и др.], Сибири [Ремнев, 2004].

В отношении Степного края политика русификации в большей степени представлена анализом его аграрной колонизации [Галузо, 1965; Чуркин, 2006; Токмурзаев, 2019]. Роль Русской православной церкви в распространении христианства и русского языка среди казахского населения выявлена в работах Ю.А. Лысенко [2010]. Отдельные аспекты региональной образовательной политики, в том числе в отношении мусульманской школы, изучались С.В. Любичанковским [2018а], М.В. Стуровой [2013]. Исследователи обошли вниманием такой важный аспект русификации Степного края, как собственно внедрение русского языка в систему делопроизводства и образовательный процесс. Не решена данная проблема и в современной казахстан-

ской историографии. Термин «русификация» представляется рядом казахстанских исследователей как «языковая ассимиляция», «подавление местной национальной культуры», «духовная экспансия» [Садвокасова, 2005]. Все это исключает возможность взвешенной и объективной оценки сути проводимых имперскими властями в Степном крае преобразований в социокультурной сфере. Данная статья направлена на восполнение существующего в историографии пробела.

Источники

Анализ процесса внедрения русского языка в систему делопроизводства и школьного образования Степного края проводится на основе широкого круга источников. Законодательные акты позволяют проследить эволюцию образовательной политики государства в регионе, специфику деятельности школьных учреждений всех типов, тенденции развития курса русского языка в школах Министерства народного просвещения и конфессиональных школах. Большой информативностью обладает делопроизводственная документация: межведомственная переписка органов власти; отчеты губернаторов областей, генерал-губернаторов Степного края, миссионеров Киргизской духовной миссии Омской епархии и т.д. Данная группа источников отражает механизмы внедрения русского языка в систему местного самоуправления и учебные заведения, дает возможность выявить совокупность проблем, с которыми пришлось столкнуться региональной администрации при их реализации. Для подготовки статьи привлечены ежегодные обзоры областей Степного края, содержащие статистические данные о включенности казахов в систему школьного образования.

Методология и методы исследования

В качестве методологии исследования выступают концептуальные подходы империологии, позволяющие рассматривать Российскую империю как сложный, но органичный механизм, для которого в условиях социально-экономической гетерогенности регионов были характерны прочные связи между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами. Степной край рассматривается как одна из окраин России, для интеграции которой в имперское пространство был задействован эксклюзивный набор методик и практик. Концептуальные основы империологии дополняются теорией многолинейной модернизации. Она допускает многовекторность протекания модернизационных процессов в различных регионах империи, опосредованных не только управленческими практиками, но и особенностями социально-экономического и политического развития того или иного региона. Данный тезис объясняет вариативность русификаторской политики Российской империи, позволяя выявлять ее особенности и итоги, формы проявления применительно к Степному краю.

Результаты

Как известно, на протяжении XVIII–XIX вв. в Российской империи отсутствовали правовые нормы, регламентирующие статус русского и других языков. На национальных окраинах практиковалась языковая автономия, степень которой варьировалась от полного невмешательства центральных властей в их языковое пространство до запрета на использование языков в различных сферах публичной и официальной жизни. Первые шаги в решении данной проблемы были предприняты только в начале XX в. В статье 3 Основных законов Российской империи 1906 г. содержалось положение, согласно которому русскому языку придавался статус общегосударственного языка. Как отмечает М.О. Акишин, «его употребление становилось обязательным в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях» [2016, с. 57].

В Степном крае длительное время русский язык оставался языком официального делопроизводства. Русскоязычное население в регионе увеличивалось также за счет миграции русского крестьянства, начавшейся в 1870-е гг. Языковую коммуникацию между имперской администрацией и коренным населением Степного края были призваны осуществлять чиновники, кооптировавшиеся из местной этнической среды в органы местного самоуправления — волостные и аульные управления [Лысенко и др., 2014, с. 83–100].

Эффективность функционирования органов местного самоуправления во многом зависела от владения этночиновниками русским языком. Однако оснований требовать от претендентов на должность волостных или аульных старшин его знания, в ситуации отсутствия соответствующего законодательства, у региональной администрации не было. Безусловно, проблему пытались решать на местном уровне. В 1880-е гг. военные губернаторы Акмолинской и Семипалатинской областей многократно обращались к Степному генерал-губернатору с ходатайст-

вами внести в действующее Положение об управлении 1882 г. поправки к профессиональным компетенциям претендентов на должности органов местного самоуправления, связанных со знанием ими русского языка. Однако они, как правило, отклонялись, и ситуация кардинальным образом не менялась.

Урегулирование правового статуса русского языка в Российской империи в начале XX в. давало основание для повсеместного его внедрения в органы местного самоуправления Степного края. В ходе очередной административной реформы 1903–1904 гг. по введению института крестьянских начальников¹ на всех уровнях системы управления регионом была проведена замена должности переводчиков русскими чиновниками. Последние, как правило, не владели языками местного населения. Одновременно крестьянским начальникам было запрещено принимать прошения, составленные не на русском языке [Анисимова, Лысенко, 2015, с. 20–24].

В 1910 г. губернатор Семипалатинской области А.Н. Тройницкий с разрешения Степного генерал-губернатора Е.О. Шмита впервые на очередных выборах волостных и аульных старшин ввел требование об обязательном знании ими русского языка. [ЦГАРК. Ф. 15, оп. 1, д. 472, л. 24 об.]. С этого момента в бюллетенях для голосования фиксировался уровень знания кандидатами на должность русского языка, определявшийся сдачей соответствующего экзамена. Однако законодательного закрепления данное квалификационное требование не получило. До конца имперского периода стандартной для Степного края являлась ситуация, когда представителям областной и уездной администрации приходилось общаться с волостными, аульными правителями через переводчиков. В штате канцелярии Степного генерал-губернатора находились три переводчика с казахского языка.

Основным механизмом распространения русского языка в Степном крае выступила образовательная политика Российской империи. Относительно массовое открытие начальных школ и среднепрофессиональных образовательных учреждений в центральноазиатском регионе произошло в 70–80-е гг. XIX в. К этому периоду у Министерства народного просвещения уже имелся позитивный опыт обучения инородцев русскому языку на основе методики профессора Казанского университета Н.И. Ильминского. Разработанные под его руководством «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. определяли нормы, процедуры и принципы открытия школ для нерусских народов, методику обучения в них русскому языку [Любичанковский, 2018с; Стурова, 2013, с. 201].

Правилами 1870 г. предполагалось создание трех типов инородческих школ, привязанных к этноконфессиональной ситуации в том или ином районе проживания «инородцев» и уровню владения ими русского языка. Степной край был отнесен к регионам, в которых «дети инородцев, весьма мало обрусели и почти не знали русского языка». Поэтому учебный процесс организовывался здесь на родном языке. В ходе обучения планировалось постепенное овладение учащимися русской разговорной речи. После этого в образовательный процесс вводилось обучение русской грамоте («чтению и письму совместно») и совершался переход к полной замене родного языка русским [Инородческие и иноверческие училища..., 1903, с. 14].

В Степном крае в 70–80-е гг. XIX в. получили распространение три типа начальных учебных заведений — русско-киргизские (казахские), русско-аульные и миссионерские православные школы. При этом учитывались региональные особенности, опосредованные традиционным образом жизни казахов-кочевников и исламским религиозным сознанием. Поэтому при школах, как правило, открывались пансионаты, в которых дети проживали в период обучения и находились на полном государственном обеспечении. Также учитывалась религиозная принадлежность казахов-учащихся — курс родной грамоты образования проводился «в той транскрипции, какая издавна была принята здесь (в Степном крае. — *Авт.*)»². Образовательная программа допускала замену курса «Закон Божий» и церковного пения на курс «Основы мусульманского вероучения» [Министерские училища..., 1903].

Русско-киргизские школы создаются с начала 1880-х гг. Именно в эти годы была открыта одна школа в г. Омске, две школы в Омском уезде Акмолинской области. В этот же период в Уральской области насчитывалось 10 русско-казахских школ, в уездных городах Семипалатинской области — 6 русско-киргизских школ, Тургайской области — 24 русско-казахские школы, в

¹ Крестьянские начальники должны были следить за сбором платежей и исполнением повинностей местным населением, взимать недоимки, исполнять функции судьи, а также часть обязанностей полицейских органов, отвечать за проведение санитарных и противопожарных мероприятий и т.д.

² Речь идет о татарской письменности, основанной на арабской графике.

Акмолинской области — 1 русско-казахская школа [История Казахстана..., 2001 с. 523–524]. В последующие годы наблюдался неизменный рост численности русско-киргизских школ.

Второй вариант школ Министерства народного просвещения получил распространение в казахской степи после принятия в 1901 г. «Правил для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей». Идея их создания была связана с крайней непопулярностью системы интернатов для казахских детей при русско-киргизских школах, создаваемых, как правило, в уездных городах. Поэтому главной целью Правил стала адаптация образовательного процесса к особенностям хозяйственного уклада казахов-скотоводов, его перенесение непосредственно в аулы для более массового охвата детей школьной системой. Аульные школы передавались в подчинение волостных или двухклассных русско-киргизских школ [РГИА. Ф. 821, оп. 8, д. 816, л. 241 об.].

Успешно закончившие курс русско-аульной школы имели возможность продолжить образование в волостных двухклассных русско-киргизских училищах. Динамика роста численности русско-аульных школ отражается, например, в материалах Акмолинской области. В 1902 г. здесь насчитывалось 6 русско-аульных школ. К 1916 г. их количество возросло до 84 [Голикова, 2012, с. 117]. Количество детей из числа казахского населения также заметно возрастало (рис. 1–4). Например, в Акмолинской области с 1895 по 1914 г. — почти в девять раз (со 180 до 1552 учащихся), в Тургайской и Уральской областях — в пять раз. Стремительный рост в начале XX в. наблюдается среди учащихся аульных школ Семипалатинской области (с 1902 по 1911 г. число учащихся выросло с 132 до 744, т.е. более чем в пять раз [Обзор Акмолинской области..., 1896, с. 121–122; 1905, с. 102–103; 1908 с. 112–113; 1912, с. 122–123; 1915, с. 144–150; Обзор Тургайской области..., 1892, с. 42; 1897, с. 110–111; 1902, с. 56–57; 1909, с. 36; Обзор Уральской области..., 1899, с. 31–34; 1902, с. 32; 1905, с. 32–34; 1908, с. 27; 1911, с. 42; 1914, с. 123; Обзор Семипалатинской области..., 1901, с. 128; 1903, с. 134–135; 1905, с. 127; 1907, с. 139; 1909, с. 143; 1913, с. 113].

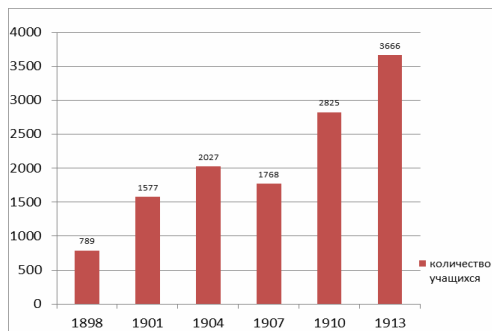

Рис. 1. Количество учащихся детей-казахов в волостных русско-киргизских школах Уральской области.

Fig. 1. The number of students of Kazakh children in Russian-Kyrgyz schools in the volost of the Ural region.

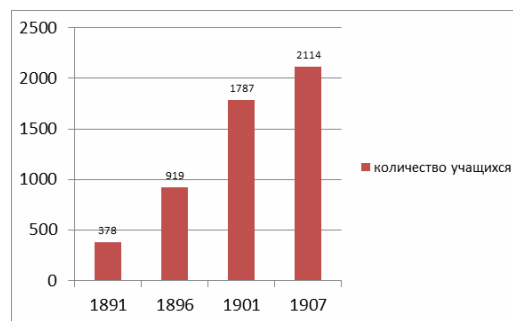

Рис. 2. Количество учащихся детей-казахов в волостных русско-киргизских школах Тургайской области.

Fig. 2. The number of students of Kazakh children in Russian-Kyrgyz schools in the volost of the Turgai region.

Задачу русификации казахского населения Степного края решала и Русская православная церковь. Одним из приоритетных направлений деятельности киргизских миссий Омской и Оренбургской епархий на рубеже XIX–XX вв. стала организация третьего типа начальных школ — миссионерских школ и пансионатов при них. Преподавание велось сначала на родном языке с последующим переходом на русский. Для более успешного освоения русского языка казахскими детьми в миссионерских школах акцент делался на организации совместного обучения с ними детей крестьян-переселенцев и совместного проживания в пансионатах, создаваемых при школах киргизских миссий [Лысенко, 2010, с. 162–171].

В целом отметим, что, несмотря на предпринимаемые епархиальными властями попытки стимулировать процесс поступления в миссионерские школы, последние были крайне непопулярны среди казахов. Например, в 1898 г. в 9 школах Киргизской миссии Омской епархии обучались 24 ученика-казаха и 245 — русских детей. К 1913 г. таких школ было открыто 18, число обучающихся составило 63 казаха и 612 русских [Там же, с. 162–168].

Формирование сети русско-киргизских, русско-аульных и миссионерских школ в Степном крае и включение в образовательный процесс курса русского языка сопровождалось созданием алфавита коренных народов на основе кириллицы. Учебные администрации Оренбургского и Туркестанского училищных округов провели серьезную работу по разработке и изданию учебников для русско-киргизских и русско-туземных школ. Авторы указанных изданий, как правило, предлагали комплекс методических рекомендаций, направленных на успешность освоения учащимися школьной программы и русского языка [Алекторов, 1901, с. 4].

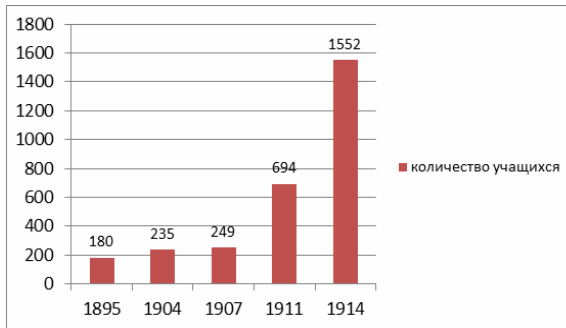

Рис. 3. Количество учащихся детей-казахов в волостных русско-киргизских школах Акмолинской области.
Fig. 3. The number of students of Kazakh children in Russian-Kyrgyz schools in the volost of Akmola region.

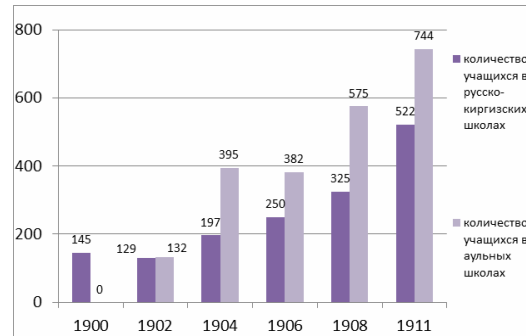

Рис. 4. Количество учащихся детей-казахов в русско-киргизских и аульных школах Семипалатинской области.
Fig. 4. The number of students of Kazakh children in Russian-Kyrgyz and aul schools of Semipalatinsk region.

В начале XX в. государство взяло курс на углубление процесса русификации и повышение уровня знания русского языка. В марте 1906 г. Министерство народного просвещения (МНП) утвердило «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России», согласно которым в школах данного типа на изучение русского языка и церковно-славянского чтения должно отводиться 8 уроков, а на грамоту на родном языке — 4, в училищах с четырехгодичным курсом для русского языка было предусмотрено 12 уроков, а на родной отводилось только 2 [Гафаров А.А., Гафаров А.Н., 2012, с. 300]. Кроме этого, учебно-методические пособия и учебники, используемые в образовательном процессе, должны были издаваться только на русском языке, для народностей, имеющих национальный алфавит, — «в двойной транскрипции: русской и инородческой» [Иностранческая школа..., 1916, с. 146].

Принципиальной позицией государства в вопросе русификации, нашедшей отражение в Правилах 1906 г., стало внедрение курса русского языка в этноконфессиональных школах (п. 36). В мусульманских мектебах Степного края русский язык становился обязательным предметом обучения. К учителям предъявлялось требование знания русского языка и диплома об окончании одноклассного училища МНП [Там же, с. 147].

Реакция мусульман Российской империи на данные реформы была крайне негативной. В Степном крае волна резкой критики в адрес «Правил» 1906 г. привела к необходимости созыва в мае 1907 г. Частного совещания при Степном генерал-губернаторе И.П. Надарове. Представители казахского народа, принимавшие участие в его заседаниях, выдвигали требования, которые сводились к отмене отдельных его положений [Труды Частного совещания..., 1908, с. 66–90]. Протестное движение в других мусульманских регионах империи вынудило правительство приостановить действие Правил 1906 г. Компромисс был достигнут к концу 1907 г., после принятия «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России». Формат закона предусматривал вывод мусульманской школы из подведомственного контроля МНП. Но при этом подтверждались некоторые позиции Правил редакции 1906 г. В частности, учебные книги и пособия должны издаваться на «иностранческом» наречии русским алфавитом, для народностей, имеющих национальный алфавит, — в двойной транскрипции [Бурдина, 2007, с. 279]. Таким образом, курс на русификацию сохранялся.

В последующие годы вопрос о роли русского языка в начальной школе, в том числе иностранческой, всегда оставался на контроле МНП. Ему был посвящен ряд Особых совещаний [Журнал заседаний съезда..., 1913, с. 299–316]. Накануне Первой мировой войны МНП предло-

жило новые Правила «О начальных училищах для инородцев», изменения в которых коснулись лишь пунктов, регламентировавших преподавание родного и русского языков. В отличие от правил 1907 г. новый закон предусматривал начало обучения русскому языку «не позднее третьего месяца первого года обучения». Соответственно из правил 1913 г. были исключены положения, предполагавшие проведение первоначального обучения на родном языке [Бурдина, 2007, с. 278–286].

Несмотря на мобилизацию значительных финансовых и моральных усилий, направленных Российской империей на расширение сети волостных, аульных, миссионерских школ, уровень владения русским языком среди казахского населения в начале XX в. оставался невысоким. Например, среди казахов Уральской и Тургайской областей процент знающих русский язык составлял 0,28 % [Казиев, 2014, с. 130]. Тем не менее итоги русификаторской политики Российской империи в сфере образования, реализованной в Степном крае в конце XIX — начале XX в., нельзя оценивать однозначно.

Необходимо учитывать, что развитие системы российского школьного образования в Степном крае происходило на фоне роста этнического самосознания и этнической консолидации казахского этноса, его интеграции в общероссийское мусульманское движение [Тарасова, 2019]. События первой русской революции и принятие Закона о веротерпимости в 1906 г. объективно усиливали данные процессы, способствовали развитию реформаторского движения в области мусульманского образования и созданию сети новометодных мусульманских школ в регионе. В данной ситуации российская образовательная модель воспринималась как чужеродная и не могла эффективно конкурировать с мусульманской.

Причиной отсутствия популярности государственных школ в Степном генерал-губернаторстве следует считать цивилизационный аспект проблемы. Политика русификации, создававшая ситуацию конкуренции в образовательном пространстве, объективно вторгалась в традиционную систему жизнеобеспечения казахского общества и этническую ментальную систему, нарушая их [Стурова, 2018, с. 95]. Рефлексией на сохранение этнической самобытности и культуры казахов можно считать неприятие ими всего инокультурного, в том числе российской системы школьного образования.

Результаты

Подводя итоги, отметим, что интеграция Степного края в общеимперское пространство во второй половине XIX — начале XX в. объективно требовала расширения сферы распространения русского языка в региональном лингвистическом пространстве. Общий ход русификации степных областей определялся особенностями традиционного уклада коренного казахского населения — кочевым способом производства и соответствующей ему системой жизнеобеспечения. Поэтому введение русского языка в делопроизводство органов местного самоуправления — волостных и аульных управ — не форсировалось региональной администрацией. Иначе российским властям пришлось бы решать вопросы организации лингвистических курсов для этночиновников, налаживать текущий документооборот, создавать стационарные точки дислокации волостных и аульных старшин. В условиях кочевого образа жизни казахов это было труднореализуемо.

Миграции кочевников определили особые подходы и к организации системы начальных школ в Степном крае. В регионе формировалась сеть русско-киргизских, русско-аульных, миссионерских школ, при которых создавались интернаты/пансионаты для казахских детей. Свидетельством отказа государства от трансформации религиозного сознания кочевников стал тот факт, что в процессе обучения в школах МНП и миссионерских школах РПЦ казахских детей освобождали от курса Закона Божьего. При этом на протяжении 90-х гг. XIX — начала XX в. государство неизменно увеличивало объем часов на преподавание школьного русского языка, в том числе в мусульманских мектебах и медресе.

Невостребованность системы начального школьного образования у казахского населения можно объяснить несколькими причинами. Прежде всего, непродолжительностью модернизационного воздействия Российской империи на Степной край, что не могло оказать существенного влияния на традиционное казахское общество. Оно оставалось глубоко аграрным по своей ментальности и потому слабо мотивированным к получению образования. Кроме этого, в регионе функционировала более доступная и цивилизационно приемлемая для казахов мусульманская школа, конкурировать с которой государственной модели школьного образования было крайне сложно.

На основании изложенного можно утверждать, что политика русификации Степного края не принесла ожидаемого эффекта, потенциал русского языка как средства интеграции региона в общеимперское пространство России не был использован в полной мере. В то же время нельзя отрицать позитивную роль, которую русский язык сыграл в процессе приобщения казахского этноса к достижениям европейской цивилизации. Нужно также отметить, что имперская политика русификации и распространения русского языка создала благоприятные условия для реализации большевиками национальной политики в центральноазиатском регионе СССР в 20–30-х гг. XX в.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишин М.О.* Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: Исторические исследования. 2016. № 5. С. 56–73.
- Анисимова И.В., Лысенко М.Ф.* Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия АлтГУ. 2015. № 4–1. С. 20–24.
- Бурдина Е.Л.* Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278–287.
- Васильев Д.В.* Административная аккультурация: Опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии XVIII–XIX вв. Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2018. 138 с.
- Галузо П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 344 с.
- Гафаров А.А., Гафаров А.Н.* Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман российской империи // Вестник Казахст. технол. ун-та. 2012. Т. 15. № 7. С. 296–303.
- Голикова О.А.* Управление начальными школами Акмолинской и Семипалатинской областей (1885–1918 гг.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 116–120.
- Дзалаева К.Р.* Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2019. № 33. С. 38–50.
- История Казахстана: В 5 т. Т. 3. / Отв. ред. М.К. Козыбаев.* Алматы: Атамұра, 2001. 766 с.
- Казиев С.Ш.* Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX — начале XX в. // Известия АлтГУ. 2014. № 4–2. С. 128–133.
- Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи / Пер. с нем. Н. Лопатиной // Россия — Украина: История взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.
- Кобахидзе Е.И.* Ресурсы позднеимперской русификации на Северном Кавказе // Российская история. 2016. № 3. С. 74–82.
- Лысенко Ю.А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул: АлтГУ, 2010. 194 с.
- Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: Концептуальные основы и механизмы реализации (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 271 с.
- Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: Исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург: издат. центр ОГАУ, 2018а. 264 с.
- Любичанковский С.В.* Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации // Вопросы истории. 2018b. № 5. С. 125–136.
- Любичанковский С.В.* Русский язык как средство аккультурации: Развитие русско-инородческих школ в Оренбургском крае в середине XIX в. // Самар. науч. вестник. 2018с. Т. 7. № 1 (22). С. 161–165.
- Миронов Б.Н.* Историческая социология истории. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2009. 536 с.
- Пулькин М.В.* Политика русификации в конце XIX — начале XX в.: Административный аспект (по карельским материалам) // УИВ, 2016. № 4. С. 120–126.
- Путинин И.А.* Проведение политики русификации Александром III // История, политология, социология, философия: Теоретические и практические аспекты: Сб. ст. по матер. XV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2018. № 10 (11). С. 35–39.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти: XIX — начало XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 548 с.
- Руднев Д.В.* Языковая политика Российской империи в отношении западных окраин // Государственная языковая политика: Проблемы информационного и лингвистического обеспечения. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007. С. 69–91.
- Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX — начало XX веков). Алматы: Казах. ун-т, 2005. 339 с.

Русский язык как механизм интеграции Степного генерал-губернаторства России...

Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50-е — 80-е гг. XIX в.) // Известия АлтГУ. Сер. История, политология. 2013. № 4/2. С. 198–202.

Стурова М.В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 88–98.

Тарасова Е.В. Переселенческое движение в системе механизмов модернизации степных окраин Российской империи // Материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные вопросы истории Сибири: XII научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина». Барнаул: Азбука, 2019. С. 45–49.

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 352 с.

Токмурзаев Б.С. Колонизация Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX в. // Вестник ТомГУ. 2019. № 438. С. 163–171.

Хоскинг Дж. Россия: Народ и империя, 1552–1917. М.: Русич, 2001. 236 с.

Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: Детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Thaden E.C. (Ed.) (1981). Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton: Princeton University Press. 514 p.

Источники

Алекторов А.Е. Русско-киргизская азбука: К мудрости ступенька. Казань: Император. ун-т, 1901. 61 с.

Бахтурина А.Ю. Государственное управление западными окраинами Российской империи: 1905 — февраль 1917 г.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 46 с.

Журнал заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в 1912 г. Уфа, 1913. 437 с.

Инородческие и иноверческие училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справ. сведений об учащихя СПб.: Знание, 1903. 62 с.

Инородческая школа: Сб. ст. Пг.: Тип. Н.П. Карбасникова, 1916. 264 с.

Министерские училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций. СПб.: Знание, 1903. 43 с.

Обзор Акмолинской области за 1895 г. Омск: Тип. Омск. обл. правления, 1896. 149 с.

Обзор Акмолинской области за 1904 г. Омск: Тип. Омск. обл. правления, 1905. 98 с.

Обзор Акмолинской области за 1908 г. Омск: Тип. Омск. обл. правления, 1908. 116 с.

Обзор Акмолинской области за 1911 г. Омск: Изд. обл. стат. комитета, 1912. 158 с.

Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск: Изд. обл. стат. комитета, 1915. 152 с.

Обзор Семипалатинской области за 1900 г. Семипалатинск: Тип. Семипалатинского обл. правления, 1901. 138 с.

Обзор Семипалатинской области за 1902 г. Семипалатинск: Тип. Семипалатинского обл. правления, 1903. 144 с.

Обзор Семипалатинской области за 1904 г. Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1905. 128 с.

Обзор Семипалатинской области за 1906 г. Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1907. 131 с.

Обзор Семипалатинской области за 1908 г. Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1909. 136 с.

Обзор Семипалатинской области за 1911 г. Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1913. 124 с.

Обзор Тургайской области за 1891 г. Оренбург: Типо-литогр. Б.А. Бреслина, 1892. 85 с.

Обзор Тургайской области за 1896 г. Оренбург: Типо-литогр. Б.А. Бреслина, 1897. 114 с.

Обзор Тургайской области за 1901 г. Оренбург: Лито-тип. Тургайского обл. правления, 1902. 103 с.

Обзор Тургайской области за 1907 г. Оренбург: Тип. А.Н. Гаврилова, 1909. 55 с.

Обзор Уральской области за 1898 г. Уральск: Урал. войсковая типография, 1899. 53 с.

Обзор Уральской области за 1901 г. Уральск: Урал. войсковая типография, 1902. 52 с.

Обзор Уральской области за 1904 г. Уральск: Урал. войсковая типография, 1905. 49 с.

Обзор Уральской области за 1907 г. Уральск: Урал. войсковая типография, 1908. 45 с.

Обзор Уральской области за 1910 г. Уральск: Урал. войсковая типография, 1911. 68 с.

Обзор Уральской области за 1913 г. Уральск: Урал. войсковая типография, 1914. 147 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 816, 819.

Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск: Тип. Акмол. обл. правления. 1908. 93 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 15. Оп. 1. Д. 472.

The Russian language as a mechanism for integration of the General Government of the Steppes of Russia into the common empire area (second half of the 19th — early 20th century)

The problem of homogeneity and integrity of the Russian Empire state territories became topical in the second half of the 19th century. Its resolution was reflected in the administrative and legal integration, based on the policy of Russification and introduction of the Russian language in all spheres of life of the society. The purpose of this article is to reconstruct the mechanisms and particularities of the implementation of this policy in the Central Asian outskirts of the Russian Empire — the Governor-Generalship of the Steppes. The study is based on a wide range of historical sources — regulations and paperwork, most of which have been identified in archives and introduced into the scientific discourse for first time. It has been revealed that the implementation of the Russification policy in the Steppe Territory followed two directions. The first one involved the introduction of paperwork management in Russian language into the local governments system. This process initiated very actively in the beginning of the 20th century after the settlement of the legal status of the Russian language in the Russian Empire. Applicants for the positions of volost, aul and kishlak rulers, which were elective, were required to pass an exam on Russian language knowledge the prior to the ballot. Failure in the exam would immediately disqualify the candidate from further electoral process. The second important direction of expanding the influence of the Russian language in the Steppe Territory was the educational policy related to the formation of a secular school education system and the mandatory inclusion of the Russian language course into the educational process. A network of Russian-Kyrgyz, Russian-aul, and missionary schools, Cyrillic-based alphabets for regional languages, educational-methodological literature in Russian were created in the region. The Russian language course became compulsory in programs of Muslim metebas and madrassas to raise the effectiveness of the Russification policy. Until the end of the imperial period, regional authorities failed to form a staff of ethnic officials who could speak Russian. The level of knowledge of the Russian language in the rest of the indigenous population remained extremely low, which was due to unpopularity of the Russian school system. Thus, it can be stated that the potential of the Russian language as a means of integration into the common empire space was not fully utilized. At the same time, it cannot be denied, that Russian culture, historically close to Muslim peoples of the Central Asian region, embodied in the imperial educational system, played a positive role, acting as a conductor of their involvement in the achievements of European civilization.

Key words: Russian Empire, Steppe Territory, Russification, Russian language, local government, school.

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, grant № 19-18-00180 “Socio-economic modernization of the central Asian outskirts of the Russian Empire: interdisciplinary methods of reconstruction and evaluation of efficiency”.

REFERENCES

- Akishin M.O. (2016). State and legal languages of the Russian Empire of the 19 century. *Genesis: Istoricheskiye issledovaniya*, (5), 56–73. (Rus.).
- Anisimova I.V., Lysenko M.F. (2015). The Introduction of Institution of Peasant Chiefs in the Steppe Region at the Beginning of the 20th Century and the Peculiarities of its Activity. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4–1), 20–24. (Rus.).
- Burdina E.L. (2007). The position of the Russian government on the issue of “aboriginal people” education at the early of the 20 century. *Voprosy obrazovaniya*, (3), 278–287. (Rus.).
- Churkin M.K. (2006). *Resettlement of peasants chernozem center of European Russia in Western Siberia in the second half of 19 — early 20 centuries: Determining factors of migration mobility and adaptation*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Dzalaeva K.P. (2019). Russification of the North Caucasus in the context of the integrative policy of the Russian Empire in the second half of the 19 — early 20th century. *Izvestiya SOIGSI*, (33), 38–50. (Rus.).
- Gafarov A.A., Gafarov A.N. (2012). Colonial acculturation of the traditional way of life of Muslims in the Russian Empire. *Vestnik Kazakhstanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 15(7), 296–303. (Rus.).
- Galuzo P.G. (1965). *Agricultural relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Golikova O.A. (2012). Management of elementary schools of Akmolinsk and Semipalatinsk district 1885–1918. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya, filologiya*, 11 (1), 116–120. (Rus.).
- Kappeler A. (1997). Mazepa, Little Russians, Ukrainians: Ukrainians in the ethnic hierarchy of the Russian Empire. In: *Rossiya-Ukraina: Istoriya vzaimootnoshenii*. Moscow, 125–144. (Rus.).

- Kaziev S.Sh. (2014). National educational movement and projects of nationalism in Kazakhstan in the late XIX — early XX centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4–2), 128–133. (Rus.).
- Khosking D. (2001). *Russia: People and empire, 1552–1917*. Moscow: Rusich. (Rus.).
- Kobakhidze E.I. (2016). Limits of the late Imperial “Russification” on the North Caucasus. *Rossiiskaya istoriya*, (3), 74–82. (Rus.).
- Kozybayev M.K. (Ed.) (2001). *Istoriya Kazakhstana: V 5 t. T. 3*. Almaty: Atamura. (Rus.).
- Lysenko Yu.A. (2010). *Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (second half of the 19th — early 20th centuries)*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V., Sturova M.V. (2014). *Traditional Kazakh society in the national politics of the Russian Empire: Conceptual foundations and implementation mechanisms (second half of the 19th — early 20th centuries)*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Lyubichankovskiy S.V. (2018a). *Policy of acculturation by means of education of islamic subjects of the Russian Empire: Historical experience of the Orenburg region (the middle of 19 — early 20 centuries.)*. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU. (Rus.).
- Lyubichankovskiy S.V. (2018b). Professional-pedagogical exhibition of 1898 and imperial policy of acculturation. *Voprosy istorii*, (5), 125–136. (Rus.).
- Lyubichankovskiy S.V. (2018c). Russian language as a means of acculturation: The development of Russian-foreign schools in the Orenburg region in the middle of the XIX century. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 7(1), 161–165. (Rus.).
- Mironov B.N. (2009). *Historical sociology of history*. St. Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Pul'kin M.V. (2016). Russification policy in the late 19th — beginning of 20th century: The administrative aspect (on the Karelian materials). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 120–126. (Rus.).
- Putilin I.A. (2018). Pursuing the Russification Policy by Alexander III. In: *Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: Teoreticheskie i prakticheskie aspekty: sbornik po materialam XV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konfarentsii*, 10(11). Novosibirsk: SibAK, 35–39. (Rus.).
- Remnev A.V. (2004). *Russia Of The Far East: Imperial geography of power in the 19 — early 20 century*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Rudnev D.V. (2007). The language policy of the Russian Empire in relation to the western suburbs. In: *Gosudarstvennaya yazykovaya politika: Problemy informatsionnogo i lingvisticheskogo obespecheniya*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU, 69–91. (Rus.).
- Sadvokasova Z.T. (2005). *The spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (II half of 19 — early of 20 centuries)*. Alma-Aty: Kazakhskii universitet. (Rus.).
- Sturova M.V. (2013). Educational Environment in the Akmolinsk and Semipalatinsk Regions in the 1850s — 1880s. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4/2), 198–202. (Rus.).
- Sturova M.V. (2018) Russian-kazakh schools in the system of state administration. In: *Narody i religii Evrazii*, (3), 88–98. (Rus.).
- Tarasova E.V. (2019). Migration movement in the system of modernization mechanisms of the steppe outskirts of the Russian Empire. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii “Aktualnye voprosy istorii Sibiri: XII nauchnyye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina”*. Barnaul: Azbuka, 45–49. (Rus.).
- Thaden E.C. (Ed.) (1981). *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton: Princeton University Press.
- Tikhonov A.K. (2008). *Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the 18 — early 20 centuries*. St. Petersburg: SPbGU. (Rus.).
- Tokmurzaev B.S. (2019). Colonisation of the Steppe Krai in the Socio-Political Discourse of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (438), 163–171. (Rus.).
- Vasil'ev D.V. (2018). *Administrative acculture: Experience of regional policy of the Russian Empire in Central Asia of the 18–19 centuries*. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (Rus.).

Лысенко Ю.А., <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>
Рыгалова М.Б., <https://orcid.org/0000-0002-3715-3516>
Егоренкова Е.Н., <https://orcid.org/0000-0003-4561-0120>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021